

ДЭВИД ЮМ

**ИССЛЕДОВАНИЕ
О
ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ
РАЗУМЕНИИ**

**В Е Л И К И Е
И Д Е И**

Великие идеи

Дэвид Юм

**Исследование о
человеческом разумении**

«ЭКСМО»

1748

УДК 16(075.8)

ББК 84.7я73

Юм Д.

Исследование о человеческом разумении / Д. Юм — «Эксмо»,
1748 — (Великие идеи)

ISBN 978-5-04-099228-7

Эпоха Просвещения – период, когда вера в человека, в возможности его разума достигла ранее невиданных высот. Одним из тех, кто утвердил эту мысль сначала в сознании интеллектуальной элиты, а затем и в массовых представлениях о значении человека в мире, был шотландский философ Дэвид Юм. Познание начинается с опыта – уверенно заявил он. А значит, человеку подвластно многое. Из индивидуального опыта множества людей формируется опыт человечества. В нашем веке никто уже не усомнится в том, что прогресс зависит от человека и от коллективных усилий общества. Тем интереснее узнать, как все начиналось... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 16(075.8)

ББК 84.7я73

ISBN 978-5-04-099228-7

© Юм Д., 1748

© Эксмо, 1748

Содержание

Мрак противен уму не меньше, чем зрению...	7
Предисловие	8
Вступительное замечание	9
Глава I	10
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дэвид Юм

Исследование о человеческом разумении

Серия «Великие идеи»

© ИП Сирота Э. Л. Текст и оформление, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

По мнению Юма, менее сильные и живые восприятия ума – это:

1. Ощущения.
2. Мысли и идеи.
3. Впечатления.
4. 4. Религиозные догматы.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

Дэвид Юм
1711–1776

Мрак противен уму не меньше, чем зрению...

В XVIII столетии эпоха Просвещения с ее свободомыслием и преклонением перед человеческим разумом оказала огромное влияние на все последующее развитие общества. Пожалуй, наиболее ярко Просвещение проявило себя в Англии, Франции, Германии. Но и в других государствах было много самобытных мыслителей, и одним из первых, конечно, стоит назвать шотландского философа, экономиста, историка Дэвида Юма (1711–1776).

На протяжении веков ученые пытались решить вопрос: каким способом человек познает окружающий мир? Что стоит на первом месте – разум, вера, чувства и ощущения? Юма относят к представителям эмпиризма и скептицизма: не стоит пугаться немного громоздких научных терминов, они лишь означают убежденность в том, что только чувственный опыт может являться источником познания, а основным принципом, которым руководствуется ученый, должно стать сомнение. Такие работы Дэвида Юма, как «О бессмертии души», «Моральные и политические очерки», «О трагедии», говорят о разносторонности его интересов.

Мыслитель не был сугубо кабинетным исследователем – он много путешествовал, участвовал в военных экспедициях, находился на дипломатической службе... Тем интереснее для нас сейчас его произведения, в которых можно найти не только непосредственную живую оценку исторических событий, но и отражение системы ценностей истинного ученого великой эпохи Просвещения.

7 мая (26 апреля) 1711 – Дэвид Юм родился в семье мелкого шотландского дворянина в Эдинбурге.

1723 – поступление в Эдинбургский университет, который Юм оставил три года спустя.

1738 – опубликован «Трактат о человеческой природе».

1741–1742 – выпуск «Моральных и политических очерков» Юма.

1748 – в Англии издается «Исследование о человеческом разумении».

1751 – выход книги «Исследование о принципах морали».

1754 – начинается издание труда «История Англии».

1766 – Дэвид Юм приглашает в Англию Жан-Жака Руссо, подвергавшегося во Франции гонениям. Правда, в итоге два философа рассорились.

1770-е – философ продолжает работу над начатыми еще в 1751 году «Диалогами о естественной религии», но при его жизни они так и не были опубликованы.

1776 – Дэвид Юм скончался от онкологического заболевания.

Предисловие

Одно из ключевых произведений в наследии Дэвида Юма – «Исследование о человеческом разумении» – у нас издавалось также под названиями «Исследование о человеческом познании», «Исследование о человеческом уме»... История этой работы началась в 1738 году, когда двадцатисемилетний Юм издал книгу «Трактат о человеческой природе». Молодой мыслитель заявлял: познание начинается с опыта. Но этот опыт не может быть признан единственным источником информации, ведь невозможно сбросить со счетов «познавательные ресурсы» нашего ума. Именно они делают опытные данные более яркими, дополняют их выводами и помогают создать стройную картину.

Дэвид Юм не ограничивался исследованием теории познания. Он утверждал, что видит свою задачу в изучении природы человека во всей ее полноте – мораль, религия, психологические аффекты... Философ излагал свою теорию весьма последовательно. Но, увы, в 1730-х годах его работа особого внимания не привлекла. И спустя годы он перерабатывает эти материалы, превратив «Трактат о человеческой природе» в несколько фундаментальных трудов, одним из которых стало «Исследование о человеческом разумении». Именно его мы и представляем уважаемым читателям. Согласитесь ли вы с «теорией познания и разума» великого деятеля шотландского Просвещения?

Вступительное замечание

Большинство принципов и рассуждений, содержащихся в этом томе, были преданы гласности в трехтомном труде, озаглавленном «Трактат о человеческой природе», труде, который был задуман автором еще до оставления им колледжа, а написан и опубликован вскоре после этого. Но, видя неуспех названного труда, автор осознал свою ошибку, заключавшуюся в преждевременном выступлении в печати, переработал все заново в нижеследующих сочинениях, где, как он надеется, исправлены некоторые небрежности в его прежних рассуждениях или, вернее, выражениях. Однако некоторые писатели, почтившие философию автора разбором, постарались направить огонь всех своих батарей против этого юношеского произведения, никогда не признававшегося автором, и высказали претензию на победу, которую, как они воображали, им удалось одержать над ним. Это образ действий, весьма противоречащий всем правилам чистосердечия и прямоты в поступках и являющийся разительным примером тех полемических ухищрений, к которым считают себя вправе прибегать в своем рвении фанатики. Отныне автор желает, чтобы только нижеследующие работы рассматривались как изложение его философских взглядов и принципов.

Глава I

О различных видах философии

Моральную философию, или науку о человеческой природе, можно трактовать двумя различными способами, каждый из которых имеет особое преимущество и может способствовать развлечению, поучению и совершенствованию человечества. Согласно одному из них, человек рожден преимущественно для деятельности и в своих поступках руководствуется вкусом и чувством, стремясь к одному объекту и избегая другого в зависимости от той ценности, которую он приписывает этим объектам, и от того, в каком свете они ему представляются. Так как добродетель признается наиболее ценным из всех объектов, то философы этого рода рисуют ее в самых привлекательных красках, обращаясь за помощью к поэзии и красноречию и трактуя свой предмет легким и ясным способом, который более всего нравится воображению и пленяет чувства. Они выбирают самые поразительные наблюдения и случаи из обыденной жизни, надлежащим образом сопоставляют противоположные характеры и, увлекая нас на путь добродетели видениями славы и счастья, руководят нами на этом пути с помощью самых здравых предписаний и самых ярких примеров. Они дают нам *почувствовать* разницу между пороком и добродетелью, пробуждают и направляют наши чувства и, как только им удастся вселить в наши сердца любовь к правдивости и истинной чести, считают цель всех своих трудов вполне достигнутой.

Философы другого рода рассматривают человека с точки зрения не столько деятельности, сколько разумности и стремятся скорее развить его ум, чем усовершенствовать его нравы. Эти философы считают человеческую природу предметом умозрения и тщательно изучают ее с целью открыть те принципы, которые управляют нашим разумением, возбуждают наши чувства и заставляют нас одобрять или порицать тот или иной частный объект, поступок или образ действий. Они считают позором для всей науки то, что философия до сих пор еще не установила непререкаемых основ нравственности, мышления (reasoning) и критицизма и без конца толкует об истине и лжи, пороке и добродетели, красоте и безобразии, не будучи в состоянии указать источник данных различений. Никакие препятствия не отвращают их от попыток разрешить эту трудную задачу; переходя от частных примеров к общим принципам, они продвигаются в своих изысканиях все дальше, к еще более общим принципам и не удовлетворяются, пока не дойдут до тех первичных принципов, которые во всякой науке необходимо полагают предел человеческой любознательности. Пусть их умозрения кажутся отвлеченными и даже невразумительными заурядному читателю – они рассчитывают на одобрение ученых и мудрецов и считают себя достаточно вознагражденными за труд целой жизни, если им удастся обнаружить несколько скрытых истин, которые могут служить поучением для потомства.

Несомненно, что большинство людей всегда предпочтет легкую и ясную философию точной, но малодоступной и многие будут рекомендовать первую, считая ее не только более приятной, но и более полезной, чем вторая. Она в большей мере соприкасается с обыденной жизнью, воспитывает сердце и чувства, а касаясь принципов, влияющих на действия людей, исправляет поведение последних и приближает их к тому идеалу совершенства, который описывается ею. Напротив, малодоступная философия, будучи продуктом такого типа ума, который не может вникать в деловую и активную жизнь, теряет свой престиж, как только философ выходит из тени на свет, и принципам ее нелегко сохранить какое бы то ни было влияние на наше поведение и образ действий. Наши чувства, волнения наших страстей, сила наших аффектов – все это сокрушает ее выводы и превращает глубокого философа в заурядного человека (plebeian).

«Дух нуждается в некотором отдыхе и не может быть всегда поглощен заботами и деятельностью»

Надо также сознаться, что самую прочную и в то же время самую справедливую славу приобрела именно легкая философия, тогда как отвлеченные мыслители, кажется, пользовались до сих пор лишь мимолетной известностью, основанной на капризе или невежестве современников, но не могли сохранить свою славу перед лицом более беспристрастного потомства. Глубокому философу легко допустить ошибку в своих утонченных рассуждениях, но одна ошибка необходимо порождает другую, по мере того как он выводит следствия, не отступая ни перед какими выводами, даже необычными и противоречащими общераспространенному мнению. Если же философ, задающийся целью всего лишь представить здравый смысл человечества в более ярких и привлекательных красках, и сделает случайно ошибку, он не пойдет дальше, но, снова обратившись к здравому смыслу и естественным воззрениям нашего ума, вернется на правильный путь и оградит себя от опасных заблуждений. Слава Цицерона процветает и теперь, тогда как слава Аристотеля совершенно угасла. Лабрюйер¹ известен за морями и все еще сохраняет свою репутацию, тогда как слава Мальбранша² ограничивается его народом и эпохой. Эддисона³, быть может, будут читать с удовольствием, когда Локк будет уже совершенно забыт.

Обычный тип философа, как правило, не пользуется большим расположением в свете, ибо предполагается, что такой философ не может ни приносить пользу обществу, ни способствовать его развлечению: ведь он живет, стараясь быть подальше от людей, проникнутый принципами и идеями, столь же далекими от обычных представлений. Но, с другой стороны, невежда презирают еще больше, и ничто не может служить более верным признаком духовной ограниченности в такую эпоху, когда у какой-нибудь нации процветают науки, как полное отсутствие вкуса к этому благородному занятию. Принадлежащим к наиболее совершенному типу признают того, кто занимает середину между этими двумя крайностями, того, чьи способности и вкус одинаково распределены между книгами, обществом и делами, кто сохраняет в разговоре тонкость и деликатность, воспитываемые изящной литературой, а в делах – честность и аккуратность, являющиеся естественным результатом правильной философии. И ничто не может в большей мере способствовать распространению и воспитанию такого совершенного типа, как сочинения, написанные легким стилем, не слишком отвлекающие от жизни, не требующие для своего понимания ни особого прилежания, ни уединения, сочинения, по изучении которых читатель возвращается к людям с запасом благородных чувств и мудрых правил, приложимых ко всем потребностям человеческой жизни. Благодаря таким сочинениям добродетель становится приятной, наука – привлекательной, общество людей – поучительным, а уединение – не скучным.

Человек – существо разумное, и, как таковое, он находит себе надлежащую пищу в науке; но границы человеческого разума столь узки, что можно питать лишь слабую надежду на то, чтобы как объем, так и достоверность его приобретений в этой области оказались удовлетворительны. Человек не только разумное, но и общественное существо, однако он не способен ни постоянно наслаждаться приятным и веселым обществом, ни сохранять к нему надлежащее влечение. Человек, кроме того, деятельное существо, и благодаря этой наклонности, а также в силу различных потребностей человеческой жизни он должен предаваться различным делам и занятиям; но дух нуждается в некотором отдыхе и не может быть всегда поглощен заботами и деятельностью. Итак, природа, по-видимому, указала человечеству смешанный образ жизни как наиболее для него подходящий, тайно предостерегая людей от излишнего увлечения каждой отдельной склонностью во избежание утраты способности к другим занятиям и развлечениям. Удовлетворяй свою страсть к науке, говорит она, но пусть твоя наука останется челове-

¹ Лабрюйер Жан (1645–1696) – французский мастер афористического жанра. – *Прим. ред.*

² Мальбранш Никола (1638–1715) – французский философ. – *Прим. ред.*

³ Эддисон (Аддисон) Джозеф (1672–1719) – английский публицист, редактор журнала «Spectator». – *Прим. ред.*

ской и сохранит прямое отношение к деятельной жизни и обществу. Туманные размышления и глубокие исследования я запрещаю и строго накажу за них задумчивостью и меланхолией, которую они породят в тебе, бесконечными сомнениями, в которые они тебя вовлекут, и тем холодным приемом, который выпадет на долю твоим мнимым открытиям, как только ты их обнаружишь. Будь философом, но, предаваясь философии, оставайся человеком.

Если бы большинство людей довольствовалось тем, что предпочитало бы легкую философию отвлеченной и глубокой, не относясь к последней с порицанием или презрением, то, быть может, стоило бы согласиться с общим мнением и позволить каждому человеку беспрепятственно следовать своим вкусам и склонностям. Но ввиду того что люди часто заходят дальше, доводя дело даже до безусловного отрицания всяких глубоких рассуждений, или того, что обычно называется метафизикой, мы перейдем теперь к рассмотрению тех разумных доводов, которые могут быть приведены в пользу последней.

«От точности всегда только выигрывает красота, а от верности рассуждения – тонкость чувства, и напрасны были бы наши старания возвеличить одно за счет умаления другого»

Мы можем начать с замечания, что одним из важных преимуществ точной и отвлеченной философии является помощь, оказываемая ею философии легкой, житейской, которая без нее никогда не достигла бы достаточной степени точности в своих представлениях, правилах или рассуждениях. Вся изящная литература есть не что иное, как ряд картин, рисующих нам человеческую жизнь в ее различных проявлениях и формах и возбуждающих в нас различные чувства: одобрение или порицание, восторг или насмешку – в зависимости от качеств того объекта, который они представляют. Достигнуть этой цели более способен тот писатель, который помимо тонкого вкуса и способности к быстрому схватыванию [объекта] обладает еще точным знанием внутренней структуры и операций разума, действий страстей, а также знаком с различными чувствованиями, посредством которых мы различаем порок и добродетель. Каким бы трудным ни казалось это внутреннее изыскание, или исследование, оно становится до некоторой степени необходимым для тех, кто хочет успешно описать наглядные внешние проявления жизни и нравов. Анатом показывает нам самые отвратительные и неприятные вещи, но его наука полезна живописцу для создания образа даже Венеры или Елены; пользуясь самыми богатыми красками и придавая своим фигурам самые грациозные и привлекательные позы, живописец все же должен обращать внимание на внутреннее устройство человеческого тела, на положение мышц и строение костей, на назначение и форму каждого члена или органа. От точности всегда только выигрывает красота, а от верности рассуждения – тонкость чувства, и напрасны были бы наши старания возвеличить одно за счет умаления другого.

Кроме того, заметим, что дух точности, каким бы образом он ни был приобретен, приближает к совершенству любые искусства, любые профессии, даже те, которые ближе всего касаются жизни или деятельности, и делает их более пригодными для служения интересам общества. И хотя философ может быть далек от практических дел, философский дух, тщательно культивируемый немногими, постепенно должен распространиться на все общество и сообщить присущую ему точность каждому искусству, каждой профессии. Государственный деятель приобретет большую предусмотрительность и тонкость в разделении и уравнивании власти, юрист – большую методичность в рассуждениях и более высокие принципы, а полководец внесет большую правильность в дисциплину и станет осторожнее в своих планах и действиях. Устойчивость современных государств в сравнении с древними и точность современной философии [в сравнении с античной] совершенствовались и, вероятно, будут продолжать совершенствоваться столь же постепенно.

Но если бы даже занятия философией не доставляли никакой выгоды, кроме удовлетворения невинной любознательности, то и к этому не следовало бы относиться с презрением,

ибо это одно из средств достижения тех немногих несомненных и безвредных удовольствий, которые доступны роду человеческому. Наиболее приятный и безобидный жизненный путь совпадает со стезею науки и познания; и всякого, кто может или устранить с нее какие бы то ни было препятствия, или открыть новые горизонты, следует в силу этого почитать благодетелем человечества. Пусть эти изыскания кажутся тяжелыми и утомительными, но ведь некоторые умы, подобно некоторым телам, одаренным крепким и цветущим здоровьем, требуют усиленного упражнения и находят удовольствие в том, что большинству людей может казаться обременительным и трудным. Ведь тьма тягостна не только для глаза, но и для духа; зато озарение тьмы светом, скольких бы трудов оно ни стоило, несомненно, должно доставлять наслаждение и радость.

Однако темноту глубокой и отвлеченной философии осуждают не только за то, что она тяжела и утомительна, но и за то, что она неизбежно становится источником неуверенности и заблуждений. И действительно, самое справедливое и согласное с истиной возражение против значительной части метафизики заключается в том, что она, собственно говоря, не наука и что ее порождают или бесплодные усилия человеческого тщеславия, стремящегося проникнуть в предметы, совершенно недоступные разумению, или же уловки общераспространенных суеверий, которые, не будучи в состоянии защищать себя открыто, воздвигают этот непроходимый терновник для прикрытия и защиты своей немощи. Изгнанные с открытого поля, эти разбойники бегут в леса и скрываются там в ожидании того, чтобы ворваться в какую-либо незащищенную область духа и переполнить ее религиозными страхами и предрассудками. Самого сильного противника припирают к стене, если он на минуту ослабит бдительность, многие же из трусости и безрассудства открывают ворота неприятелю и принимают его добровольно, с почтением и покорностью, как своего законного властелина.

Но является ли это достаточным основанием для того, чтобы философы отказались от своих изысканий и предоставили суеверию спокойно владеть его убежищем? Не вернее ли вывести отсюда обратное заключение и осознать необходимость перенести борьбу в самые затененные пристанища неприятеля? Напрасно надеемся мы на то, что люди из-за частых разочарований оставят наконец столь химеричные науки и откроют истинную область человеческого разума. Уже помимо того, что многие находят слишком большой интерес в постоянном возвращении к подобным темам, — помимо этого, говорю я, мотив слепого отчаяния никогда на разумных основаниях не найдет места в науке: как бы неудачны ни оказались предыдущие попытки, все же остается надежда на то, что прилежание, удача или большая проницательность помогут последующим поколениям дойти до открытий, неизвестных предшествующим эпохам. Всякий, кто обладает отважным духом, будет постоянно добиваться трудной награды, и неудачи его предшественников станут скорее подстрекать, чем расхолаживать его, ибо он будет надеяться, что слава, связанная с выполнением столь нелегкого дела, выпадет именно на его долю. Единственный способ разом освободить науку от этих туманных вопросов — это серьезно исследовать природу человеческого ума и доказать на основании точного анализа его сил и способностей, что он не создан для столь отдаленных и туманных предметов. Мы должны взять на себя этот утомительный труд, чтобы жить спокойно впоследствии; мы должны тщательно разработать истинную метафизику, чтобы уничтожить ложную и поддельную. Лениность, предохраняющая некоторых людей от этой обманчивой философии, у других преодолевается любопытством, а отчаяние, временами берущее верх, затем может уступить место радужным надеждам и ожиданиям. Точное и правильное рассуждение — вот единственное универсальное средство, пригодное для всех людей и для всякого склада [ума]; только оно способно ниспровергнуть туманную философию с ее метафизическим жаргоном, который в связи с общераспространенными суевериями делает ее до некоторой степени непроницаемой для невнимательных мыслителей и придает ей вид науки и мудрости.

«Никогда не виденное и не слышанное все же может быть представлено; мысли доступны все, кроме того, что включает в себе безусловное противоречие»

Кроме указанного преимущества, т. е. отрицания самой недостоверной и неприятной части науки после основательного исследования ее, тщательное изучение сил и способностей человеческой природы дает еще множество положительных преимуществ. Замечательно, что операции нашего духа (mind), наиболее непосредственно создаваемые нами, как бы окутываются мраком, едва лишь становятся объектами размышления, и глазу нелегко найти те линии и границы, которые разделяют и размежевывают их. Эти объекты слишком мимолетны, чтобы долго оставаться в одном и том же виде или положении; их надо схватывать мгновенно при помощи высшего дара проникновения, полученного от природы и усовершенствованного благодаря привычке и размышлению. В силу этого довольно значительную часть науки составляет простое распознавание различных операций духа, отделение их друг от друга, подведение под соответствующие рубрики и устранение того кажущегося беспорядка и запутанности, которые мы в них обнаруживаем, когда делаем их предметом размышления и исследования. Упорядочение и различение – работа, не имеющая никакой ценности, если ее производят над внешними телами, объектами наших чувств; но, будучи применена к операциям духа, она приобретает тем большее значение, чем больше те препятствия и трудности, с которыми мы встречаемся при ее выполнении. Если мы и не сможем пойти дальше этой географии духа, т. е. очерка его отдельных частей и сил, то и это уже должно дать нам удовлетворение; чем более ясной может казаться нам эта наука (а она вовсе не такова), тем более позорным должно считаться незнание с нею для всех, кто претендует на ученость и знание философии.

У нас не останется повода к тому, чтобы подозревать эту науку в недостоверности и химеричности, если только мы не предадимся такому скептицизму, который совершенно подрывает всякое умозрение и даже всякую деятельность. Нельзя сомневаться в том, что дух наделен определенными силами и способностями, что эти силы различны, что если нечто действительно различается в непосредственном восприятии, оно может быть различено и путем размышления и что, следовательно, всем суждениям об этом предмете присуща истинность или ложность, и притом такая, которая не выходит за пределы человеческого разумения. Существует много подобных очевидных различений, как, например, различение между волей и разумом, между воображением и страстями, причем все они доступны пониманию всякого человека; более тонкие, философские различения не менее реальны и достоверны, хотя они и постигаются с большим трудом. Несколько примеров успеха в подобных исследованиях, в особенности за последнее время, могут дать нам более верное понятие о достоверности и основательности этой отрасли знания. Так неужели, признавая построение истинной системы планет и установление взаимного положения и порядка этих отдаленных тел трудом, достойным философа, мы оставим без внимания тех, кто столь удачно очерчивает отдельные области духа, в котором мы так близко заинтересованы?

Но не сможем ли мы возыметь надежду на то, что философия, тщательно разрабатываемая и поощряемая вниманием публики, еще более углубит свои исследования и откроет, по крайней мере до известной степени, тайные пружины и принципы, управляющие операциями человеческого духа? Астрономы, исходя из наблюдаемых явлений, долгое время довольствовались установлением подлинных движений, порядка и величины небесных тел, пока наконец не появился философ⁴, который посредством удачного рассуждения определил также законы и силы, управляющие обращением планет. То же самое было осуществлено и по отношению к другим областям природы, и нет причин отчаиваться в возможности подобного же успеха в

⁴ Имеется в виду Исаак Ньютон. – Прим. ред.

наших исследованиях относительно сил и структуры духа, коль скоро их будут вести столь же искусно и осторожно. Вполне вероятно, что одни операции и принципы нашего духа зависят от других, которые в свою очередь могут быть сведены к иным, более общим и универсальным; а как далеко можно вести подобные исследования – это нам трудно будет определить в точности до (и даже после) тщательного разбора данного вопроса. Несомненно, однако, что такого рода попытки ежедневно делаются даже теми, кто философствует в высшей степени небрежно; между тем необходимо, чтобы к подобной задаче приступали с величайшей тщательностью и вниманием: ведь если она не выходит за пределы человеческого разумения, выполнение ее можно будет счастливо завершить; в противном же случае от нее можно будет по крайней мере отказаться с некоторой уверенностью и на надежном основании. Конечно, последнее нежелательно, и мы не должны с этим спешить, ибо сколько красоты и ценности потерял бы этот вид философии от подобного предположения! До сих пор моралисты, рассматривая многочисленные и разнообразные поступки, вызывающие у нас одобрение или неодобрение, обычно искали какой-нибудь общий принцип, из которого могли бы быть выведены эти различные чувствования. Иногда они, правда, слишком увлекались из-за пристрастия к какому-нибудь одному общему принципу; но надо признать, что их ожидание найти некие общие принципы, к которым могут быть полностью сведены все пороки и добродетели, вполне извинительно. К этому же стремились критики, логики и даже политики; и нельзя сказать, чтобы попытки их были совсем безуспешны, хотя, быть может, спустя продолжительное время благодаря большей точности и большему прилежанию эти науки еще больше приблизятся к совершенству. Поспешный же отказ от всех подобных притязаний по справедливости может почитаться еще более опрометчивым, необдуманным и догматическим, чем стремление самой смелой и категоричной философии навязать человечеству свои незрелые предписания и принципы.

«Весь материал мышления доставляется нам внешними или внутренними чувствами, и только смешение или соединение его есть дело ума и воли»

Если эти рассуждения о человеческой природе кажутся отвлеченными и трудными для понимания, то что же из того? Это еще не дает основания предполагать их ложность; напротив, то, что до сих пор ускользало от столь мудрых и глубоких философов, по-видимому, и не может быть очевидным и легким. Какого бы труда ни стоили нам подобные изыскания, мы сможем считать себя достаточно вознагражденными не только в смысле выгоды, но и в смысле удовольствия, если таким способом пополним свой запас знаний относительно предметов, значение которых чрезвычайно велико.

Но поскольку, в конце концов, отвлеченность таких умозрений является чем-то скорее предосудительным, нежели похвальным, и поскольку это затруднение, вероятно, может быть преодолено старанием и искусством, а также устранением всех ненужных подробностей, мы попытались в нашем исследовании пролить некоторый свет на предметы, в силу своей недовольности до сих пор отвращавшие от себя мудрых, а в силу своей темноты – невежд. Мы сочтем себя счастливыми, если сумеем уничтожить границы между различными видами философии, сочетая глубину исследования с ясностью, а истину – с новизной. Мы будем счастливы вдвойне, если, прибегая к легкому способу рассуждения, сумеем подкопаться под основания туманной философии, которая до сих пор, по-видимому, служила лишь убежищем суеверия и покровом нелепостей и заблуждений.

Глава II

О происхождении идей

Всякий охотно согласится с тем, что существует значительное различие между восприятиями (perceptions) ума, когда кто-нибудь, например, испытывает боль от чрезмерного жара или удовольствие от умеренной теплоты и когда он затем вызывает в своей памяти это ощущение или предвосхищает (anticipates) его в воображении. Эти способности могут отображать или копировать восприятия наших чувств, но они никогда не могут вполне достигнуть силы и живости первичного ощущения. Даже когда они действуют с наивысшей силой, мы, самое большее, говорим, что они представляют (represent) свой объект столь живо, что мы *почти* ощущаем или видим его, но, если только ум не поражен недугом или помешательством, они никогда не могут достигнуть такой степени живости, чтобы совершенно уничтожить различие между указанными восприятиями. Как бы ни были блестящи краски поэзии, она никогда не нарисует нам природу так, чтобы мы приняли описание за настоящий пейзаж. Самая живая мысль все же уступает самому слабому ощущению.

Мы можем проследить подобное же различие и наблюдая все другие восприятия ума: разгневанный человек возбужден совершенно иначе, нежели тот, который только думает об этой эмоции; если вы мне скажете, что человек влюблен, я легко пойму, что вы под этим подразумеваете, и составлю себе верное представление о его состоянии, но никогда не спутаю это представление с действительным пылом и волнениями страсти. Когда мы размышляем о своих прежних чувствах и аффектах, наша мысль служит верным зеркалом, правильно отражающим свои объекты, но употребляемые ею краски слабы и тусклы в сравнении с теми, в которые были облечены наши первичные восприятия. Чтобы заметить различие тех и других, не нужно ни особой проницательности, ни метафизического склада ума.

И поэтому мы можем разделить здесь все восприятия ума на два класса, или вида, различающихся по степени силы и живости. Менее сильные и живые обычно называются *мыслями* или *идеями*, для другого же вида нет названия ни в нашем языке, ни в большинстве других; и это потому, думаю я, что ни для каких целей, кроме философских, не было надобности подводить данные восприятия под общий термин, или общее имя. Поэтому мы позволим себе некоторую вольность и назовем их *впечатлениями*, употребляя этот термин в смысле, несколько отличном от общепринятого. Итак, под термином *впечатления* я подразумеваю все наши более живые восприятия, когда мы слышим, видим, осязаем, любим, ненавидим, желаем, хотим. Впечатления отличны от идей, т. е. от менее живых восприятий, создаваемых нами, когда мы мыслим о каком-нибудь из вышеупомянутых ощущений или душевных движений.

На первый взгляд ничто не кажется более свободным от ограничений, нежели человеческая мысль, которая не только не подчиняется власти и авторитету людей, но даже не может быть удержана в пределах природы и действительности. Создавать чудовища и соединять самые несовместимые формы и образы воображению не труднее, чем представлять (conceive) самые естественные и знакомые объекты. Тело приковано к одной планете, по которой оно передвигается еле-еле, с напряжением и усилиями, мысль же может в одно мгновение перенести нас в самые отдаленные области вселенной или даже за ее границы, в беспредельный хаос, где природа, согласно нашему предположению, пребывает в полном беспорядке. Никогда не виденное и не слышанное все же может быть представлено; мысли доступно все, кроме того, что заключает в себе безусловное противоречие.

Но хотя наша мысль по видимости обладает безграничной свободой, при более близком рассмотрении мы обнаружим, что она в действительности ограничена очень тесными пределами и что вся творческая сила ума сводится лишь к способности соединять, перемещать, уве-

личивать или уменьшать материал, доставляемый нам чувствами и опытом. Думая о золотой горе, мы только соединяем две совместимые друг с другом идеи – золота и горы, которые и раньше были нам известны. Мы можем представить себе добродетельную лошадь, потому что на основании собственного чувствования (feeling) способны представить себе добродетель и можем присоединить это представление к фигуре и образу лошади – животного, хорошо нам известного. Словом, весь материал мышления доставляется нам внешними или внутренними чувствами, и только смешение или соединение его есть дело ума и воли. Или, выражаясь философским языком, все наши идеи, т. е. более слабые восприятия, суть копии наших впечатлений, т. е. более живых восприятий.

Для доказательства этого, я надеюсь, будет достаточно двух следующих аргументов. Во-первых, анализируя наши мысли, или идеи, как бы сложны или возвышенны они ни были, мы всегда находим, что они сводятся к простым идеям, скопированным с какого-нибудь прошлого ощущения или чувствования. Даже те идеи, которые кажутся нам на первый взгляд наиболее далекими от такого источника, при ближайшем рассмотрении оказываются происходящими из него. Идея бога как бесконечно разумного, мудрого и благого существа порождается размышлением над операциями нашего собственного ума (mind) и безграничным усилением качеств благодати и мудрости. Мы можем довести наше исследование до каких угодно пределов и при этом всегда обнаружим, что каждая рассматриваемая нами идея скопирована с какого-то впечатления, на которое она похожа. Для тех, кто стал бы утверждать, что это положение не является всеобщей истиной и допускает исключения, существует только один, и притом очень легкий, способ опровергнуть его: надо показать ту идею, которая, по их мнению, не происходит из данного источника. Нас же, коль скоро мы хотим защитить свою теорию, это обяжет указать то впечатление, или живое восприятие, которое соответствует данной идее.

«Ни один объект не обнаруживает в своих доступных чувствам качествах ни причин, его породивших, ни действий, которые он произведет»

Во-вторых, если случается так, что вследствие изъяна органа человек становится неспособным испытывать какой-нибудь род ощущений, мы всегда обнаруживаем, что ему так же мало доступны и соответствующие идеи. Слепой не может составить себе представление о цветах, глухой – о звуках. Возвратите каждому из них то чувство, которого он лишен; открыв новый вход ощущениям, вы в то же время откроете дверь идеям, и человеку уже нетрудно будет представить соответствующие объекты. То же бывает и в случае, если объект, который может возбудить какое-нибудь ощущение, никогда не воспринимался органом чувства. Так, лапландец или негр не имеет представления о вкусе вина. И хотя в духовной жизни мало (или совсем нет) примеров подобных недостатков в том смысле, чтобы человек никогда не испытывал или же был совершенно неспособен испытывать какое-нибудь чувство или страсть, свойственные человеческому роду, однако наше наблюдение, хоть и в меньшей степени, приложимо и здесь. Человек кроткого нрава не может составить себе идеи укоровившейся мстительности или жестокости, а сердцу эгоиста трудно понять возвышенную дружбу и великодушие. Легко допустить, что другие существа могут обладать многими чувствами, о которых мы не способны составить представление, потому что идеи их никогда не проникали в нас тем единственным путем, которым идея может иметь доступ в сознание, а именно путем действительного переживания и ощущения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.